

КОСТЮМ ДЛЯ ПЕРВОГО СЕКРЕТАРЯ ОБКОМА... СКАНДАЛ В РУКОВОДСТВЕ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ В 1952 Г.

А. В. Сушков

Уральское отделение Российской академии наук, Екатеринбург, Россия

Рассматриваются политические практики периода «позднего сталинизма». В июне 1952 г. на заседании бюро Челябинского обкома ВКП(б) начальник Управления Министерства внутренних дел СССР по Челябинской области генерал А. П. Захаров обвинил первого секретаря обкома партии А. Б. Аристова в различных злоупотреблениях. Основные обвинения Захарова заключались в том, что Аристову при содействии генерала Семенова силами заключенных в лагерных мастерских был сшит костюм и изготовлена мебель. Партийно-следственные мероприятия не выявили каких-либо злоупотреблений со стороны Аристова и Семенова. Исходя из политических соображений, Аристов признал свою вину в контакте с портным, осужденным по политической статье. Политический расчет Аристова оказался верным, «дело» было закрыто, и спустя несколько месяцев Аристов вошел в состав высшего руководства СССР. Генералу Захарову скандал стоил должности, он был направлен в другой регион с понижением.

Ключевые слова: *А. Б. Аристов, партийно-государственная система власти, период «позднего сталинизма», г. Челябинск.*

На понедельник 23 июня 1952 г. в Челябинском обкоме ВКП(б) было намечено очередное заседание бюро обкома партии – высшего органа власти в области. Помимо рутинных вопросов, таких как: «О ходе выполнения постановления бюро обкома ВКП(б) от 8 марта 1952 г. по заготовке и отгрузке лома черных металлов», «Постановление Совета Министров СССР “О неудовлетворительном ходе ремонта уборочных машин в МТС, совхозах и колхозах Челябинской области”», «Постановление ЦК ВКП(б) “Об итогах приема в ВКП(б) за 1951 год”», трех десятков кадровых вопросов и других, в повестку дня был включен один пункт, который лично касался каждого участника заседания. На бюро обкома предстояло рассмотреть работу, точнее – недостатки в работе санитарной части и спецполиклиники Управления МВД по Челябинской области. А так как медицинское обслуживание челябинской партоменклатуры осуществляла именно санитарная часть УМВД, ее проблемы были далеко небезразличны заседавшим в бюро обкома начальникам.

Работники партийно-государственного аппарата Челябинской области собственной амбулаторно-поликлинической базы никогда не имели. Еще в 1935 г. первый секретарь Челябинского обкома ВКП(б), член ЦК ВКП(б) Кузьма Васильевич Рындин жаловался И. В. Сталину на то, что «в условиях крайне низкого уровня медицинской сети, недостаточного количества высококвалифицированных медицинских сил в городе Челябинске актив области фактически лишен воз-

можности регулярно пользоваться медицинской помощью». Рындин писал, что актив области прикреплен к поликлинике НКВД, пропускная способность этой поликлиники мала, создаются очереди как на прием к врачам, так и за получением процедур. Стационар при поликлинике состоял только из 25 коек, постоянно был занят работниками НКВД, «в результате работники актива, нуждающиеся в больничном лечении, не имеют квалифицированной стационарной медицинской помощи и вынуждены находиться в домашней обстановке». Секретарь обкома просил Сталина «для улучшения медицинской помощи партактиву области» разрешить строительство в Челябинске поликлиники на 150 посещений в сутки со стационаром на 50 коек¹.

По прошествии без малого двух десятков лет уровень медицинского обслуживания челябинских властных структур, нужно полагать, заметно вырос, как и вырос уровень региональной медицины в целом. Однако претензии южноуральской партоменклатуры к местной «номенклатурной медицине» не исчезли.

Так, со многими «недоразумениями» в поликлинике доводилось сталкиваться секретарю обкома по сельскому хозяйству А. Г. Дмитрину. «Думаешь, когда нас так обслуживают, руководящих работников, как рядовых обслуживают?» – делился он своими мыслями с членами бюро обкома партии. Первый секретарь Челябинского

¹ Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО), Ф. П-288, Оп. 1, Д. 238, Л. 30.

горкома партии Д. В. Брагин просидел у кабинета врача и, не получив должной медицинской помощи, ушел из поликлиники. Завотделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов обкома ВКП(б), член бюро обкома П. М. Кочетков дважды обращался в поликлинику, оба раза заполняли его медицинскую карту, и оба раза теряли ее. Неоднократно на грубость и бюрократию со стороны начальника санитарной части Степана Константиновича Борисова и подчиненных ему врачей поступали жалобы от районных руководителей¹.

У первого секретаря обкома ВКП(б) Аверкия Борисовича Аристова тоже накопились претензии к спецполиклинике. В Челябинске у него во втором браке родились сын и дочь, и уровень их медобслуживания очень беспокоил главу семьи. Аристов обвинял одного из врачей поликлиники – Гитлина, кстати, выполнявшего обязанности секретаря партийной ячейки санчасти, в неправильном лечении своих детей. «Он давал такие предложения, после которых ребенок должен был непременно умереть, – возмущался Аристов на заседании бюро обкома. – Другие врачи спасли его. Я и до сих пор считаю, что Гитлин – это врач небольшой эрудиции, хотя и имеет большой практический опыт. И едва ли дальше стоит держать его в нашей спецполиклинике». По поводу плохого обслуживания своей семьи в поликлинике Аристов адресовал претензии к начальнику Управления МВД по Челябинской области Александру Павловичу Захарову. Порой в достаточно резкой форме: «Что это у тебя за безобразие? Не могут обслужить мою семью в санчасти! С каких времен стало?». Аристов предупреждал Захарова, что бюро обкома снимет начальника санчасти С. К. Борисова с работы и ему, Захарову, «даст по заслугам»².

Аристов не случайно предъявлял претензии Захарову: речь не просто шла о санитарной части как об одном из подразделений УМВД, а о подразделении, которое курировал лично генерал Захаров согласно распределению обязанностей в руководстве УМВД. К тому же ни для кого не было секретом, что между Захаровым и Борисовым установились тесные товарищеские взаимоотношения. Александр Павлович Захаров был заядлым охотником и рыбаком, и в выходные дни, либо, если выпадала командировка в область, то и в будние старался не упускать возможности удовлетворить свою страсть. В лагере силами заключенных ему связали сети для рыб-

ной ловли, изготовили специальный прицеп для перевозки лодки, который Захаров прицеплял к своему ГАЗ-67 (военный полноприводный легковой автомобиль) и отправлялся на рыбалку. «Где бы он ни появился, он без удочки и ружья не может быть, – говорил о Захарове его заместитель генерал Иван Павлович Семенов. – Если он приезжает в командировку, обязательно должен отвести время на рыбалке и охоте, а потом кое-как решить какие-то вопросы». Была у начальника УМВД и своя мобильная печь-коптильня, которую он возил с собой³.

Разумеется, будь то охота, будь то рыбалка, спиртное лишним не будет, и генерал Захаров не пренебрегал возможностью доставить себе дополнительное удовольствие. Порой позволял себе чуть расслабиться и во время исполнения служебных обязанностей. Бывало, даже отправляясь в командировку, по дороге просил шофера остановиться, немного «заправлялся» и командовал двигаться дальше. Но раздобыть спирт в то время было не так-то просто даже для всесильного начальника УМВД. И вот здесь на выручку приходил его подчиненный, начальник санитарной части Борисов, благо спирт у него был всегда под рукой. Захаров часто прихватывал с собой Борисова в командировки под предлогом проверки домов отдыха, подведомственных санчасти. В обкоме знали и об увлечениях Захарова, и его слабостях, и о том, кто поставляет ему спирт⁴.

Борисов был в курсе того, что в обкоме были недовольны работой санчасти, и это вынуждало его искать высокопоставленных покровителей. Надежную защиту ему удалось обрести в лице генерала Захарова. Судьба Борисова складывалась таким образом, что ему очень хорошо было известно, как важно иметь покровителей в вышестоящих инстанциях.

Степан Константинович Борисов, который в ноябре 1952 г. готовился отметить пятидесятилетний юбилей, был выпускником Первого Ленинградского медицинского института 1937 г. по специальности «врач-невропатолог». Накануне войны учился в аспирантуре на базе нервной клиники Больницы имени Куйбышева в Ленинграде, одновременно с работой над кандидатской диссертацией возглавлял небольшую больницу в Псковском районе Ленинградской области. Начавшаяся война перевернула все его научные и жизненные планы. Санитарным поездом С. К. Борисов был эвакуирован в г. Троицк Челябинской области, где сначала был начальником меди-

¹ Там же, Оп. 42, Д. 47, Л. 69, 71–72, 84.

² Там же, Л. 56, 62.

³ Там же, Л. 81–83, 88, 91.

⁴ Там же, Л. 59–61, 91–92.

цинской части госпиталя, затем – начальником госпиталя. В 1942 г. на посту заместителя председателя Челябинского облисполкома он сменил ушедшую на повышение в наркомат, знаменитого в будущем министра здравоохранения СССР Марию Дмитриевну Ковригину. Как заместитель председателя облисполкома С. К. Борисов курировал системы здравоохранения и народного образования, вопросы развития физкультуры и спорта. Руководство области характеризовало его положительно, считало, что с «порученным участком работы» он справляется, политически развит, пользуется авторитетом среди руководящих кадров области, работников народного образования и здравоохранения. В заслугу Борисову ставили тот факт, что послевоенная Челябинская область вошла в число областей с высокой рождаемостью и низкой смертностью населения. «За время работы тов. Борисова в облисполкоме состояние народного образования и здравоохранения в области значительно улучшилось», – говорилось в его характеристике, направленной в 1946 г. в ЦК ВКП(б). Успешный и перспективный руководитель в начале 1947 г. был направлен на девятимесячные курсы в Высшую партийную школу при ЦК ВКП(б)¹.

Однако осенью 1947 г. все перевернулось с ног на голову. Жизнь Борисова круто изменило постановление бюро Челябинского обкома ВКП(б) от 21 ноября 1947 г. «О халатном хранении облигаций госзаймов заместителем председателя облисполкома т. Борисовым».

За год до этого, в июне 1946-го, группа граждан Польши, уезжая из СССР на родину, сдали С. К. Борисову принадлежащие им облигации на сумму более 1,5 млн рублей с просьбой подарить эти облигации и выигрыши от них детям-сиротам, чьи родители погибли в годы Великой Отечественной войны. Облигации были опечатаны сургучной печатью первого отдела облисполкома и хранились в рабочем сейфе у Борисова до его отъезда на курсы в Москву. В облисполкоме об этих облигациях было известно. В день отъезда на курсы 12 января 1947 г. Борисов в присутствии переписчиков номеров облигаций и отдельных членов детской комиссии, но без участия работников первого отдела, вскрыл печати. Облигации не пропали, злого умысла Борисова проверка не обнаружила, но условия их хранения обком ВКП(б) счел чуть ли не преступлением: «Произведенной проверкой личных злоупотреблений с облигациями т. Борисова не установлено, однако такой порядок хранения больших ценностей ха-

рактеризует исключительно халатное отношение к столь ответственному делу и порождает возможности злоупотреблений». Борисова обвинили в том, что он единолично принял эти ценности на хранение и при этом не составил описи номеров облигаций.

Первый секретарь обкома А. А. Белобородов, закрывавший глаза на явные и демонстративные злоупотребления со стороны И. М. Зальцмана, в данном случае счел нужным не давать спуску Борисову за саму «возможность злоупотреблений» облигациями, и решил не ограничиваться мерами партийного взыскания – указанием или выговором. Бюро обкома с формулировкой «за халатное отношение к хранению крупных денежных ценностей» освободило Борисова от занимаемой должности².

В декабре 1947 г. Челябинский обком партии направил в управление кадров ЦК ВКП(б) совершенно иную характеристику на С. К. Борисова, нежели давал прежде, где впервые говорилось о недостатках в его практической деятельности. Помимо «халатного отношения к хранению облигаций государственных займов», как «выяснилось», Борисов не обладает достаточной культурой и кругозором, проявлял поспешность в принятии решений, мало анализировал деятельность подотчетных ему отделов облисполкома, слабо контролировал выполнение решений облисполкома и собственных указаний, бывал груб. У обкома, как говорится, внезапно открылись глаза: «В 1946 г. т. Борисов ослабил руководство порученным ему участком работы. Работа органов здравоохранения ухудшилась. Финансирование учреждений здравоохранения было неудовлетворительным. Ряд недостатков был допущен и в работе органов народного образования. Из-за непринятия своевременных мер учащиеся школ области в 1946–1947 учебном году не были обеспечены тетрадями и школьно-канцелярскими принадлежностями»³.

Сейчас трудно сказать, действительно ли преступная халатность оборвала успешную карьеру Борисова, или за решением бюро обкома скрывались изощренные обкомовские интриги, а облигации явились лишь поводом для нанесения по нему удара. Так или иначе, назначение начальником санчасти для С. К. Борисова явилось существенным должностным понижением. Но нет худа без добра: не столь высокая должность позволила ему без потерь пережить «Челябинское дело», когда полетели многие обкомовские и об-

² Там же, Л. 23.

³ Там же, Л. 25–27.

¹ Там же, Оп. 66, Д. 1338, Л. 3, 5 об., 6, 12–12 об., 14–19.

лисполкомовские головы. Кто-то из областного начальства не сумел сработаться с новым первым секретарем обкома Аристовым, в частности, в их числе оказалась преемница С. К. Борисова на посту заместителя председателя облисполкома Любовь Яковлевна Комирева¹. А снятие с Борисова выговора за облигации в июне 1951 г. даже несколько укрепило его позиции в челябинской «номенклатурной медицине».

Но уже через год после снятия выговора над Борисовым вновь сгустились тучи. Учитывая настроения, царившие в обкоме в середине 1952 г., он вновь рисковал лишиться занимаемой должности. Единственным среди руководителей областного масштаба, кто мог сказать весомое слово в защиту Борисова, был генерал А. П. Захаров. Начальник УМВД внушал ему уверенность, что «обкомовских» можно не только не бояться, и даже наоборот, нужно не давать им распускаться. «Ничего, подумаешь, там Брагин!» – заявил он Борисову, когда первый секретарь Челябинского горкома ВКП(б), член бюро обкома не получил должной медицинской помощи в поликлинике².

Самоуверенности сорокашестилетнему начальнику Управления МВД, генерал-майору Александру Павловичу Захарову придавал богатый послужной список за плечами. Войну профессиональный чекист встретил в Ленинграде в должности начальника секретно-политического отдела УНКГБ по Ленинградской области. В своей автобиографии А. П. Захаров не без гордости подчеркивал, что «по заданию секретарей Ленинградского обкома ВКП(б) тов. тов. Жданова и Бумагина выезжал в бывший Псковский округ для организации партизанских отрядов и нелегальных партийных организаций», то есть работал в непосредственном контакте с А. А. Ждановым, в будущем – одним из кремлевских вождей, приближенным И. В. Сталина. Выезжал Захаров по заданию Жданова, кстати говоря, в тот же район Ленинградской области, где С. К. Борисов возглавлял небольшую больницу, но пересекались ли там их пути неизвестно (ясно одно, что сам факт в биографиях Захарова и Борисова, когда оба они, рискуя жизнью, находились приблизительно в одном районе в непосредственной близости от линии фронта, в последующем, безусловно, не мог не способствовать сближению этих людей). По возвращении в Ленинград Захаров был назначен командиром первого стрелкового добровольческого полка, и с ним отправился на фронт. Участвовал в боях под Нарвой, Кингисеппом,

Колпино, Усть-Тосно, Ленинградом. «За образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с германским фашизмом и проявленную при этом доблесть и мужество» был награжден орденом Красного Знамени. В бою под Кингисеппом получил контузию в голову, лечился в госпитале. После лечения вновь был отозван на работу в УНКВД по городу Ленинграду и Ленинградской области (НКГБ и НКВД были объединены в НКВД СССР) на должность начальника экономического отдела, где, как указывал в автобиографии, «в условиях блокады, помимо борьбы с контрреволюцией и шпионажем, много работал по эвакуации промышленного оборудования и по обеспечению выполнения промышленностью заказов фронта»³.

В конце 1942 г. А. П. Захаров был переведен в тыл, в Молотов, на должность заместителя начальника Управления НКВД по Молотовской области. После выделения в мае 1943-го г. НКГБ из НКВД возглавил УНКВД по Молотовской области. В качестве члена бюро Молотовского горкома ВКП(б) и кандидата в члены бюро Молотовского обкома ВКП(б) участвовал в работе главных властных инстанций города и области. «Пользуется большим авторитетом среди партийных и советских организаций области», – говорилось в характеристике Захарова, подписанной секретарем Молотовского обкома партии по кадрам С. А. Антоновым. В июле 1945 г. ему было присвоено звание генерал-майора⁴.

Претензий, во всяком случае явных, к работе генерала Захарова не было ни у Молотовского обкома ВКП(б), ни у МВД СССР. Министерским аппаратом он характеризовался исключительно положительно: «Политически развит, идеологически выдержан, в быту скромнен, среди личного состава Управления МВД и руководящих партийно-советских работников пользуется авторитетом». Вопиющих фактов стяжательства и самоснабжения за Захаровым замечено и зафиксировано не было, в отличие, к примеру, от его бывшего начальника в УНКВД по Молотовской области, возглавившего в мае 1943-го г. областное УНКГБ Матвея Моисеевича Поташника, который, получив четырехкомнатную квартиру, в 1942 г. отстроил себе еще и особняк [1]. Работе органов внутренних дел Молотовской области по борьбе с уголовным элементом, снижению преступности давалась высокая оценка. В соседнюю

¹ Там же, Оп. 131, Д. 380. Л. 8–9, 13. Оп. 15. Д. 2. Л. 56.

² Там же, Оп. 42, Д. 47, Л. 84.

³ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), Ф. 17, Оп. 100, Д. 251160, Л. 6, 7 об., 17, 20–22, 27.

⁴ Там же, Л. 4, 23–26.

Челябинскую область, где в областном УМВД образовалась вакансия на должность начальника, Захаров был рекомендован «в порядке усиления работы», «учитывая большой практический опыт руководящей, оперативной и хозяйственной работы, деловые и политические качества»¹.

Когда в апреле 1948 г. Захаров прибыл в Челябинск, его мундир украшали два ордена Красного Знамени, три ордена Красной Звезды, орден Отечественной войны II степени, и три медали. Однако областная партконференция только что завершилась, и Захаров остался за бортом даже пленума обкома ВКП(б). Кооптировать в члены обкома его не стали, ввели лишь в члены Челябинского горкома партии. Только на очередной областной партконференции в марте 1951 г. – уже при Аристове – Захаров был избран членом обкома ВКП(б), но в состав бюро обкома вновь не вошел: «силовиков» в высшем органе власти стал представлять начальник УМГБ по Челябинской области, полковник Е. В. Рудаков. В бюро Челябинского горкома ВКП(б) тоже не избрали: там стал заседать заместитель Рудакова, полковник А. С. Антонов².

На работе Захаров старался не засиживаться, отдыхом не пренебрегал, часть своих обязанностей охотно перекладывал на заместителей. Тем не менее в последнее время у него то ли стала сказываться контузия, то ли брать свое усталость, но генерала все чаще стали преследовать небольшие неприятности. Бывало, генерал засыпал прямо на заседании бюро обкома к большому неудовольствию первого секретаря обкома Аристова. То в одном из докладов трижды назвал Сталина Иосифом Владимировичем³.

Перед обкомовским начальством Захаров не дрожал. За четыре с небольшим года, что он работал в Челябинской области, А. Б. Аристов стал вторым руководителем, возглавляющим обком ВКП(б). Бюро обкома партии тоже на его глазах сменилось чуть ли не полным составом, а в кресле второго секретаря обкома, к примеру, сидел уже четвертый руководитель. Поэтому А. П. Захаров мог по праву отнести себя к «старикам» в областном руководстве и, как любой другой «старик», требовать к себе уважения.

Однако этого не было. Перед генералом Захаровым – участником героической обороны Ленинграда, участником военных сражений (о чем он часто любил вспоминать), работавшим в

¹ Там же, Л. 27–30.

² Там же, Л. 1, 32; ОГАЧО, Ф. П-288, Оп. 95, Д. 356, Л. 3, 5; Оп. 15, Д. 1, Л. 15; Д. 6, Л. 1–2; Ф. П-92, Оп. 6, Д. 294, Л. 54–59.

³ ОГАЧО, Ф. П-288, Оп. 42. Д. 47. Л. 55, 87, 90–91.

контакте с одним из советских вождей А. А. Ждановым, покоившимся к тому времени среди выдающихся деятелей партии и правительства у Кремлевской стены, – областное начальство особого пиетета не испытывало, почестей ему не оказывало. Мало того, принялось предъявлять ему то одни претензии, то другие. Часть их касалась медицинского обслуживания челябинской партноменклатуры.

Многочисленные недовольства, жалобы на работу санчасти послужили поводом начать проверку ее деятельности. Соответствующее указание Аристов дал заведующему административным отделом обкома Борису Константиновичу Спирину. В обкоме под руководством Спирина была сформирована специальная комиссия, в состав которой вошли сразу два инструктора административного отдела – Пантюхин и Никишина. Основная нагрузка по проверке санчасти, таким образом, легла на административный отдел обкома. Выбор этот не был случайным, и тем более не был обусловлен какими-либо тайными намерениями: именно административный отдел обкома по своему функционалу курировал и местные силовые структуры, и органы здравоохранения. Кроме вышеперечисленных в состав комиссии были включены заместитель заведующего Челябинским горздравотделом Л. О. Бржезинская и начальник санитарной части завода № 78 Мельников⁴.

Комиссия выявила в работе санчасти и поликлиники серьезные ошибки и недостатки. В первую очередь претензии были предъявлены по поводу недостаточной квалификации высшего медицинского персонала санчасти. В доказательство в составленной на имя А. Б. Аристова «Справке о недостатках в работе спецполиклиники и санчасти УМВД» были приведены конкретные примеры плохого медицинского обслуживания пациентов, такие как неоказание своевременной специализированной медицинской помощи, постановка неправильных диагнозов. Так, одному из больных, обратившихся за помощью с приступом бронхиальной астмы, квалифицированная консультация была проведена лишь спустя две недели, и только после этого было назначено специфическое лечение. Ребенку одного из ответственных работников за четыре месяца было поставлено пять различных диагнозов. Неоднократным жалобам другого ребенка на боли в позвоночнике врачи не придавали должного значения, соответствующего медицинского обследования не назначали, в результате чего па-

⁴ Там же, Л. 60. Оп. 16. Д. 80. Л. 84–88.

тологические процессы зашли слишком далеко, и в последующем этому ребенку потребовалось длительное специфическое лечение.

В качестве примера бесчеловечного отношения к пациентам в справке приводился случай, произошедший со старым большевиком Иваном Ивановичем Чертовым. В августе 1951 г. Чертов был выписан из стационара домой. Состояние здоровья старого большевика, страдающего тяжелыми сердечно-сосудистыми заболеваниями, оставляло желать лучшего, тем не менее ни транспортом, ни медицинским сопровождением он обеспечен не был. Сопровождала Чертова лишь его жена. По дороге домой у Чертова случился сердечный приступ. Жена вынуждена была оставить его одного на улице, и поспешить обратно в санчасть за медицинской помощью. Просьбу эту она передала через швейцара Тимофееву начальнику санчасти С. К. Борисову. Борисов, однако, не отправил к Чертову медицинского работника, а послал швейцара Тимофееву и выделил ей легковой автомобиль, по всей видимости, для доставки Чертова обратно в санчасть. Однако везти Чертова никуда не пришлось: он скончался на месте.

Тем не менее нужно сказать, что комиссия не стала напрямую увязывать смерть И. И. Чертова с неоказанием ему медицинской помощи, а ограничилась лишь констатацией того, что Борисов не принял «должных мер по оказанию срочной медицинской помощи». Осторожность комиссии здесь вполне оправдана: нельзя было исключать, что никакая экстренная и даже высокоспециализированная медицинская помощь не была в состоянии спасти тяжелобольного человека, пребывающего в преклонном возрасте. Поэтому действия Борисова были квалифицированы как бесчеловечное, хамское отношение к некоторым больным¹.

Комиссия также установила, что, несмотря на хорошее финансирование и материальное обеспечение санчасти, пациентам приходилось покупать за свой счет продукты для диетического питания или диагностических целей. К примеру, в лаборатории санчасти не нашлось даже хлеба для одной из пациенток, которая пришла туда сдать на анализ желудочный сок.

Наряду с этим комиссия обнаружила среди пациентов санчасти лиц, не входивших в состав обслуживаемого контингента. Так, за счет средств спецполиклиники лечились управляющий областной конторой Главметаллосбыта, директор теплично-парникового комбината, бывший работник химкомбината и другие.

¹ Там же, Оп. 16. Д. 80. Л. 26, 84–85.

Претензии были предъявлены и по поводу состояния медицинской документации: качество ее оставляло желать лучшего, записи в некоторых историях болезни не отражали динамики заболевания.

В работе самого начальника санчасти Степана Константиновича Борисова комиссия также обнаружила серьезные недостатки. Начальник санчасти самоустранился от лечебной работы, лечащих врачей не контролировал, врачебные ошибки не становились предметом обсуждения в коллективе. В кадровой политике Борисова комиссия усмотрела преследование и увольнение неугодных врачей и медсестер, пытавшихся критиковать Борисова, создание для них невыносимых условий труда. А подбор кадров часто проводился по приятельским и семейным признакам. В качестве наиболее яркого примера в справке был приведен зубной кабинет санчасти, где работали жена Борисова и ее родная сестра.

Борисова уличили в создании условий для хищений в санчасти – в путанице в актах на списание спирта и в отсутствии должного учета расхода спирта и дефицитных медикаментов.

Обкомовская комиссия не сочла нужным представить план мероприятий по улучшению работы санчасти, не предлагала никаких оргвыводов, а ограничилась лишь признанием необходимости вопроса о недостатках в работе спецполиклиники и санчасти обсудить на заседании бюро обкома ВКП(б)².

Не дожидаясь результатов работы комиссии, бюро обкома решило на коренную реорганизацию системы медицинского обслуживания челябинской партноменклатуры – организовать новую спецполиклинику, которая бы обслуживала исключительно работников властных структур и членов их семей. Поликлинику и стационар предполагалось создать при Челябинской областной клинической больнице, то есть отныне «номенклатурная медицина» должна была функционировать в системе Челябинского облздравотдела. Соответственно от услуг санчасти УМВД решено было отказаться. Постановление «Об организации спецполиклиники» было принято за заседании бюро обкома ВКП(б) 9 июня 1952 г. Решение хоть и было кратким, но даже из него любой непосвященный мог понять, что с «номенклатурной медициной» в Челябинске что-то не в порядке: «Бюро обкома ВКП(б) считает необходимым для обеспечения нормального медицинского обслуживания партийно-советского актива и их семей организовать при областной больнице спецполи-

² Там же, Л. 85–87.

клинику со стационаром, и в этих целях обязывает председателя облисполкома т. Бездомова Г. А. и председателя Челябинского горисполкома т. Беспалова А. Н. решить все организационные вопросы»¹.

Нужно сказать, что состояние областной больницы в то время тоже было далеким от идеального: в больнице была теснота, скученность, отсутствовали многие специализированные отделения. Главный корпус пребывал в аварийном состоянии и нуждался в срочном капитальном ремонте, вместо плановой мощности в 275 коек в нем было размещено 410 коек. Во втором корпусе вместо 75 было размещено 190 коек². Однако областное начальство сочло даже такие условия более предпочтительными, нежели те, что им предлагались санчастью УМВД.

Заключение комиссии, обследовавшей работу санчасти УМВД и спецполиклиники, было подписано 21 июня, а уже через день, 23 июня, этот вопрос был включен в повестку дня заседания бюро обкома партии. Вряд ли кто мог тогда предположить, какие последствия будут иметь эти разборательства...

Заседание бюро было открытым, председательствовал первый секретарь обкома А. Б. Аристов. На бюро обкома пригласили начальника УМВД генерала Захарова, секретаря парткома УМВД Базуева, начальника санчасти Борисова, секретаря партийной группы санчасти врача Гитлина, членов обкомовской комиссии, проверявших работу санчасти и поликлиники. С докладом о результатах работы комиссии обкома выступил инструктор административного отдела обкома Пантюхин³.

Члены и кандидаты в члены бюро обкома ВКП(б) высказали свои претензии к работе спецполиклиники, многие говорили, что давно уже следовало разобраться в ее плохой работе и с решением вопроса серьезно затянули. Общая тональность выступлений членов областного руководства была негативной и по отношению к работе этого медучреждения в целом, и конкретно к его руководителю С. К. Борисову в частности. Выводы комиссии большинством присутствующих сомнению не подвергались. Единственным из областного начальства, кто принялся защищать и положительно оценивать работу Борисова, был глава УМВД Захаров⁴.

Захаров повел себя весьма агрессивно. В выступлении на бюро он обвинил первого секретаря

обкома Аристова в предвзятом отношении к Борисову, в хамском пренебрежительном отношении к людям вообще, в том, что Аристов неоднократно оскорблял и самого Захарова, называя его хамом.

Но на этом не остановился: Захарова, как говорится, понесло. Генерал «вывалил» на заседании весь компромат на Аристова, все, что когда-либо ему доводилось слышать от разных людей. Он обвинил Аристова в любви к подхалимам и угодникам, к которым причислил своего заместителя в УМВД генерала Семенова, что через услужливого Семенова в мастерских лагеря МВД изготовили мебель в квартиру Аристова и через него же портной-заключенный по политической статье сшил для первого секретаря обкома костюм за две пачки «Казбека». Что Аристов привез с собой из Красноярска прикрепленного охранника Берестова, который пьянствует и вместо исполнения прямых служебных обязанностей (охраны первого секретаря обкома) занимается обслуживанием его семьи – сопровождает жену Аристова в театр и на стадион, его сына – в кино. А жена Аристова вообще сомнительная в политическом отношении фигура – отказалась подписываться на государственный заем по месту жительства. Кроме всего, Захаров выразил недоверие комиссии, которая проверяла санчасть и поликлинику, обвинил ее в выполнении «политического заказа» Аристова на устранение хорошего работника Борисова. Руководителю этой комиссии, заведующему административным отделом обкома ВКП(б) Б. К. Спирина выдвинул встречное обвинение, что тот занимается пьянством не выходя из здания обкома. В частности, пил там водку 13 июня, когда проходил VI пленум обкома ВКП(б)⁵.

Борисов тоже возмущался, обвинил Аристова, что тот пьяным приходил в поликлинику. В доказательство своей врачебной компетентности достал диплом об окончании института и размахивал им на заседании⁶.

Протесты А. П. Захарова и С. К. Борисова, встречные обвинения в адрес А. Б. Аристова и руководителя комиссии обкома Б. К. Спирина тем не менее не повлияли на общий негативный настрой членов бюро по отношению к начальнику санчасти Борисову, разве только еще больше усугубили положение последнего. Несмотря на то, что в основу констатирующей части принятого бюро обкома решения была положена упоминавшаяся выше справка обкомовской комиссии, многие формулировки по отношению к началь-

¹ Там же, Д. 76, Л. 23.

² Там же, Оп. 15, Д. 142, Л. 31–32.

³ Там же, Оп. 16, Д. 80, Л. 88.

⁴ Там же, Оп. 42, Д. 47, Л. 51, 66, 72.

⁵ Там же, Л. 51, 53, 58–59.

⁶ Там же, Л. 59, 72.

нику санчасти стали еще более жесткими. К примеру, ответственность за смерть старого большевика И. И. Чертова была возложена на Борисова, что ни он, ни другие медицинские работники санчасти «не приняли мер к спасению т. Чертова и т. Чертов скончался по дороге из санчасти к дому». Упомянувшиеся в справке случаи «барско-пренебрежительного отношения» С. К. Борисова к некоторым работникам, в постановлении бюро обкома обрели следующую формулировку: «<...> и своим пренебрежительно-барским отношением к отдельным работникам санчасти противопоставил себя коллективу». В постановлении появился вывод, что «крупные недостатки в работе санчасти явились следствием того, что т. Борисов не обеспечивает руководство ею», иначе говоря, не соответствует занимаемой должности. Припомнили Борисову и старые грехи: «Тов. Борисов не извлек правильных большевистских выводов из критики его прошлых ошибок, допущенных им на работе заместителя председателя облисполкома»¹.

Постановляющая часть решения бюро обкома по «делу санчасти» была жесткой и бескомпромиссной. Борисов был снят с работы начальника санчасти и спецполиклиники с формулировкой «за плохое медицинское обслуживание партийного и советского актива и барски-пренебрежительное отношение к работникам санчасти». Прокурора области Беляева и прокурора войск УМГБ Скулкина обязали расследовать факты хищения спирта в санчасти и виновных привлечь к суду. Захаров совместно с заведующим облздравотделом Лаврищевым должны были до 10 июля подобрать кандидатуру начальника спецполиклиники и санчасти. Окончательное решение по утверждению этой кандидатуры бюро обкома оставляло за собой: отдельным пунктом постановления должность начальника спецполиклиники и санчасти была включена в номенклатуру обкома партии. УМВД утратило исключительное право контроля над своей санитарной частью: отныне проверка качества оказываемого ею медицинского обслуживания и использования ею средств была вменена в обязанность Челябинскому облздравотделу².

В ответ на такое постановление А. П. Захаров решил дать бой «обкомовским». Главной мишенью он выбрал инициатора «дела санчасти», первого секретаря обкома А. Б. Аристова. Добиваться правды Захаров решил в высоких московских инстанциях. Начальник УМВД обратился в ЦК

ВКП(б) с просьбой, чтобы расследованием проступков А. Б. Аристова занялись работники цеховского аппарата.

Бурная реакция генерала Захарова на заседании бюро обкома для главных областных начальников явилась неожиданностью. Неожиданной она стала и для первого секретаря обкома Аристова. Никто из них не заметил, как в последнее время у начальника областного УМВД исподволь копилось недовольство действиями первого секретаря областного комитета партии, которые он воспринимал как враждебные, направленные на его дискредитацию, представляющие угрозу его должностному положению. Члены бюро обкома (по крайней мере, некоторые из них) пребывали в неведении о нарастании напряженности в отношениях между начальником УМВД и первым секретарем обкома. Сам Аристов позже уверял, что личной неприязни к Захарову не испытывал, никаких счетов с ним не сводил, не подвергал его резкой критике ни на бюро обкома, ни на совещаниях, ни на пленумах³. Захаров же расценивал отношение Аристова к себе совершенно иначе.

Болезненно генерал Захаров воспринимал претензии со стороны Аристова о плохом отоплении и других бытовых проблемах в его квартире на улице Спартака. Аристов с семьей проживал там же, где ранее жили Н. С. Патоличев и А. А. Белобородов и где ныне проживали многие руководящие работники, включая членов бюро обкома ВКП(б) Н. В. Лаптева, Г. А. Бездомова и А. Г. Дмитрина, – в Первом городке МВД. Городок представлял собой квартал многоэтажных жилых домов, возведенных во второй половине 1930-х гг. в центре Челябинска, напротив Алого Поля. Комплексное обслуживание городка осуществлял подведомственный Захарову хозяйственный отдел УМВД.

После рождения сына Аверкий Борисович стал более требовательно относиться к комнатной температуре, которая часто оставляла желать лучшего. Зимой 1951–1952 гг. в городке было холодно. Когда стало совсем невмоготу, Аристов попытался связаться с Захаровым, но тот оказался в командировке. Тогда Аристов вышел на начальника областного УМГБ Евгения Васильевича Рудакова и попросил его разобраться с плохим отоплением дома. Рудаков позвонил в хозяйственный отдел УМВД и передал им просьбу первого секретаря. Хозяйственники, однако, на его звонок не прореагировали, так как Рудаков не был их непосредственным начальником, просьба первого секретаря обкома партии тоже

¹ Там же, Оп. 16. Д. 80. Л. 26–27.

² Там же, Л. 27–28.

³ Там же, Оп. 42. Д. 47. Л. 54–55, 66, 74.

впечатления ни на кого не произвела. А потому, когда Захаров, наконец, появился, Аристов уже был на взводе. Главу обкома связали с Захаровым по телефону. Первый секретарь повел разговор с абонентом на повышенных тонах, но обошелся без оскорблений. Начальник УМВД позже настаивал на том, что Аристов разговаривал с ним по-хамски, однако ставший невольным свидетелем их разговора заведующий отделом обкома партии, член бюро обкома П. М. Кочетков опроверг эти утверждения. Захаров воспринял претензии Аристова унижительными. «Что, я обязан ему паровое отопление проверять?» – ворчал Захаров среди своих¹.

Второй раз низкая температура в квартире столкнула Аристова и Захарова в мае 1952 г. В мае в Челябинске сильно похолодало, температура опускалась до минус 17 градусов, однако отопление в городке было уже отключено. Двумя месяцами ранее, в марте, у Аристова родилась дочь, и это обстоятельство подстегнуло его вновь заявить претензии по отоплению. По требованию Аристова котельная была запущена².

Недовольством встретил Захаров претензии Аристова по поводу неработающего у него репродуктора. Радио у Аристова не работало около года, но руки долго не доходили сделать заявку на ремонт. А когда дошли, то Захаров огрызнулся: «Сами сломали или кто из домашних испортил». Начальник УМВД вновь счел, что Аристов по поводу репродуктора вел себя по-хамски³.

С большой тревогой А. П. Захаров наблюдал за тем, как складываются взаимоотношения между его заместителем в УМВД генералом И. П. Семеновым и секретарем обкома А. Б. Аристовым. Несмотря на то, что Иван Павлович Семенов приехал в Челябинск лишь год назад, в мае 1951-го, Аристов и Семенов много общались между собой, бывали в гостях друг у друга, дружили семьями. Между двумя руководителями, не связанными между собой напрямую рабочими контактами, установились доверительные товарищеские взаимоотношения.

Причина тому была проста, и секретом для областного начальства не являлась. Знакомы Аристов и Семенов были еще с военных лет, точнее – с лета 1944 г., когда решением Политбюро Аверкий Борисович был направлен в Красноярск в качестве первого секретаря крайкома ВКП(б). И. П. Семенов к тому времени уже несколько лет возглавлял там краевое Управление НКВД, вхо-

дил с состав членов бюро Красноярского крайкома партии. Два руководителя, судя по всему, сумели найти между собой общий язык, и конфликтных ситуаций между ними не возникало. В крае Семенов проработал до февраля 1947 г., когда получил назначение на должность первого заместителя начальника Дальстроя МВД СССР. Спустя два с половиной года, не сумев справиться с новым начальником Дальстроя, переехал из Магадана в Поволжье, где получил кресло заместителя начальника Куйбышевгидростроя. Но со временем и там у него не заладилось с непосредственным начальником. Сам Семенов считал главным своим недостатком неумение подстраиваться под вышестоящих, излишнюю прямолинейность: «По натуре я человек очень прямой, кривить я не люблю, говорю правду и прямо в глаза, может быть, за это попадаю в неудовольствие у некоторых руководителей». В начале 1951 г. в министерстве была идея направить Семенова в Ташкент, но тот отказался по причине жаркого климата. Тогда предложили ехать в Челябинск заместителем начальника областного УМВД. Начальник УМВД А. П. Захаров не возражал, запросил мнение обкома, точнее, второго секретаря обкома Н. В. Лаптева. Тот обратился к Аристову. Аристов ответил, что знаком с Семеновым по совместной работе в Красноярске, что работник он хороший. В начале мая 1951 г. Семенов приехал в Челябинск и приступил к исполнению новых обязанностей. В дополнение к должности замначальника УМВД Семенов возглавил отдел исправительно-трудовых лагерей⁴.

Семенов был вхож в семью Аристова, хорошо знал жену Аверкия Борисовича – Людмилу Павловну, да и жены Семенова и Аристова тепло общались между собой. Поэтому неудивительно, что многие проблемы, с которыми так или иначе приходилось сталкиваться Аристовым, становились достоянием Семенова, и тот вызывался оказать помощь.

Так, Семенов выступил посредником в получении Аристовыми аптечки из санитарной части УМВД. Людмила Павловна Аристова безуспешно обращалась в санчасть с просьбой изготовить один лекарственный препарат. Тогда Семенов напрямую дал указание начальнику санчасти Борису, чтобы домой Аристовым изготовили аптечку с лекарственными препаратами, и на лекарствах сделали надписи на латыни и русском языке. Захарову стало известно об этом, и Семе-

¹ Там же, Л. 70, 72, 84.

² Там же, Л. 70, 72.

³ Там же, Л. 57.

⁴ Государственный архив Красноярского края (ГАКК), Ф. П-26, Оп. 14, Д. 39, Л. 152; ОГАЧО, Ф. П-288, Оп. 42, Д. 47, Л. 57, 79–82.

нов незамедлительно получил ярлык подхалима. Кроме того, генерал Семенов выступил организатором пошива для Аристову нового костюма и изготовления мебели в его квартиру. Услужливость Семенова очень раздражала его непосредственного начальника генерала Захарова¹.

В отличие от своего начальника, Семенов высоко оценивал профессиональные качества Аристову. Череда конфликтов с начальством, преследовавших Семенова в последние несколько лет, заставили его с большой теплотой вспоминать совместную с Аристовым работу в Красноярске. «Товарищ Аристов знал меня по Красноярскому краю, где я работал в течение восьми лет, – вспоминал позже Семенов в беседе с секретарем партколлегии Ф. Л. Ерасовым. – Отношения с товарищем Аристовым у нас были чисто деловые, я уважаю его как руководителя, как организатора, и в этом меня никто не переубедит»².

После многолетних «мытарств» по разным концам страны, генерал Семенов, казалось, нашел в Челябинске то место, где можно было спокойно работать, а товарищеские отношения с первым секретарем обкома придавали ему дополнительную уверенность и стабильность на службе.

Начальник УМВД Захаров и его заместитель Семенов были одного года рождения, оба имели опыт руководства крупным региональным управлением МВД, их фамилии в 1945-м г. шли в одном указе о присвоении звания генерал-майора. И потому Захаров вполне мог опасаться, что на фоне товарищеских отношений между Аристовым и Семеновым и нарастающих претензий Аристову к работе Захарова рано или поздно Аристов может решиться на замену начальника областного УМВД. Семенов подозревал о наличии у Захарова таких опасений: «Мой приезд в область, я так рассматриваю, немного его, как говорится, встревожил: как бы этот товарищ не претендовал на портфель начальника УМВД. Я должен сказать, что я далек от этой мысли был. <...> Я из этого делаю вывод, что товарищ Захаров известным образом испугался, что Семенов будет претендовать [на его место. – А.С.], и естественно поддержку найдет в обкоме»³.

А тем временем поводов, чтобы развеять свои страхи, Захаров не находил. Напротив, генерал фиксировал все больше признаков ухудшения отношений к нему первого секретаря обкома.

Судя по всему, самую большую обиду А. П. Захарову нанес А. Б. Аристов на одном из

заседаний бюро обкома ВКП(б). Хотя Захаров и не входил в состав членов либо кандидатов в члены бюро обкома партии, по долгу службы ему порой приходилось на них присутствовать. На том заседании с генералом случилась небольшая неприятность – его сморил сон. По всей видимости, такое с ним случилось уже не впервые, и Аристов среагировал достаточно жестко, высказав «провинившемуся» приблизительно следующее: «Товарищ Захаров, вы опять спите на бюро. Перестаньте спать, это вас компрометирует. Вы генерал, на вас смотрят. Бюро – это ваша служба, а на службе не полагается спать. Сон на службе, особенно генерала, крайне отрицательное явление». К сказанному добавил, что здесь не ночлежка, а заседание бюро. Захаров огрызнулся, заявил Аристову, что тот предъявляет претензии из неприязни. После этого инцидента Аристов заметил, что Захаров затаил обиду⁴. Но об угрозе неуправляемого и неконтролируемого «взрыва» со стороны Захарова, судя по всему, не подозревал.

Своему окружению Захаров жаловался, что Аристов ведет себя по отношению к нему похамски, унижает его человеческое достоинство, наносит оскорбления⁵. Вполне вероятно, что у главы областного УМВД имелись некоторые основания для таких утверждений, и Аристов действительно допускал в его адрес достаточно резкие высказывания (ситуация на бюро обкома, где Захаров задремал, лишнее тому подтверждение). Хотя нельзя сбрасывать со счетов, что военная контузия Захарова, его увлечение спиртными напитками могли негативно сказаться на адекватности в восприятии им окружающей действительности. Те же обиды, связанные с сокращением властных полномочий, отстранением от участия в работе высших партийных инстанций области, ностальгия по былому могуществу и влиятельности могли вызывать повышенную раздражительность и даже агрессию.

Последней каплей в терпении генерала стала инициированная Аристовым проверка работы санчасти УМВД. Руководитель обкомовской комиссии Спирин лично занялся «утечкой» спирта из санчасти. На эту тему Спирин проводил опрос Захарова, в ходе которого последний свою причастность к этому отрицал, и вообще счел оскорбительными такие вопросы. Но «обкомовские» стали копать дальше, допрашивали окружение Захарова в УМВД, включая его бывшего технического секретаря, занялись изучением финансовой

¹ ОГАЧО, Ф. П-288. Оп. 42. Д. 47, Л. 84.

² Там же, Л. 80.

³ Там же, Л. 81, 83.

⁴ Там же, Л. 55, 85.

⁵ Там же, Л. 85.

документации в санчасти¹. Все это чрезвычайно встревожило начальника УМВД, и в конечном итоге привело к открытому столкновению с первым секретарем обкома на заседании бюро.

Не находя поддержки среди членов бюро Челябинского обкома ВКП(б), Захаров питал надежду на объективное и беспристрастное расследование проступков Аристова цековскими инстанциями. Однако Захарова ждало разочарование: в ЦК от него попросту отмахнулись. В Москве сочли предъявленные Аристову обвинения не столь существенными, чтобы посылать в Челябинск сотрудников Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) или цековского отдела партийных, профсоюзных и комсомольских органов. На Старой площади распорядились провести расследование по обвинениям в адрес Аристова силами самого обкома. Партийно-следственные мероприятия возглавили упоминавшиеся выше ответственный секретарь партколлекции при Челябинском обкоме ВКП(б), кандидат в члены бюро обкома Федор Львович Ерасов и заведующий административным отделом обкома партии Борис Константинович Спири².

А. П. Захаров был вызван в обком к Ерасову и Спирину. В обкоме генерал заявил обоим, что занялись они не своим делом, и в Челябинск для проведения расследования должен прибыть работник аппарата ЦК. Кроме того, выразил недоумение, почему расследованием занялся Спири³, которому он, Захаров, предъявил обвинения в не-объективности при разборе дела санчасти. Узнав об отказе Москвы, генерал согласился ответить на вопросы, но мнение свое не изменил и в ходе беседы вновь предъявил обвинения Аристову³.

Свои претензии к главному областному начальнику А. П. Захаров изложил в письменном виде. Ряд обвинений Захарова сводились к хамско-пренебрежительному отношению к нему со стороны Аристова: что первый секретарь обкома неоднократно называл его хамом; грубо и пренебрежительно разговаривал с ним по телефону в присутствии подчиненного Захарова; «что получал неоднократные оскорбления от Аристова за то, что послал недостаточную аптечку»; «получал оскорбления за то, что Борисов не поместил в стационар домработницу Аристова, большую рожей, а положил в инфекционную больницу»; «что при рождении нового ребенка присылали врачей, которые жене Аристова не нравились, тогда как посылались лучшие врачи»; «получил

личное оскорбление, что заморозили ребенка, что не работает радио», и что жильцы городка УМВД жаловались, что «из-за Аристова топят».

Несколько обвинений по замыслу Захарова должны были свидетельствовать о том, что первый секретарь обкома погряз в «семейственности» (то есть о его коррупционном поведении): «С Семеновым старые друзья, панибраты», и что Семенов организовал для Аристова пошив костюма за две пачки папирос «Казбек» и изготовление мягкой мебели; неправильно использовались прикрепленные сотрудники госбезопасности – «сопровождала жену Аристова прикрепленная охрана в театр, на стадион»; прикрепленные «сопровождали четырнадцатилетнего сына в кино». Основные претензии Захаров предъявлял сотруднику Берестову, которого Аристов якобы привез из Красноярска, и который, пользуясь покровительством Аристовых, позволял себе в рабочее время злоупотреблять спиртным, что его пьяным видели на стадионе.

Захаров повторил обвинения, высказанные им на бюро обкома, что жена Аристова не подписала на заем в городке УМВД.

Не забыл генерал обвинить обкомовскую комиссию, проверявшую работу санчасти, в предвзятости: «Я полагаю, что все эти действия допускались Спириным не без благословения Аристова, имеющего неприязненное отношение по вышеуказанным причинам»⁴.

Как позже стало известно, целый ряд обвинений Захарова базировался на пересудах среди жителей городка УМВД или разговорах во властных структурах, которые Захарову доводилось слышать. Перед тем как выложить услышанное на заседании бюро обкома, а затем изложить в письменном виде, начальник УМВД не побеспокоился о проверке их на соответствие действительности. Как правило, эти обвинения рухнули в первую очередь. И хотя они не были основными, а, скорее, должны были дополнять картину «разложения» Аристова как партийного руководителя и проиллюстрировать его «непартийное поведение», крах этих обвинений ставил под сомнение достоверность всех остальных.

Так, в ходе разбирательств выяснилось, что жена Аристова действительно не подписала на заем по месту проживания, о чем говорил Захаров. Однако это вовсе не означало, что жена первого секретаря обкома уклонилась от важной политической кампании: она подписала на заем по месту работы, в школе, где работала учителем⁵.

¹ Там же, Л. 60, 63.

² Там же, Л. 53.

³ Там же, Л. 53–54.

⁴ Там же, Л. 55–59.

⁵ Там же, Л. 59.

В целом рассыпалось и обвинение в адрес Аристова в перемещении своего прикрепленного охранника Берестова из Красноярска в Челябинск, об охране им жены и сына Аристова в ущерб прямым должностным обязанностям и его пьянстве. Как было установлено, кандидатуру Берестова в качестве прикрепленного отобрали в Челябинске из числа местных сотрудников госбезопасности, и занимался этим лично заместитель начальника УМГБ по Челябинской области полковник Алексей Семенович Антонов. В свое оправдание Захаров говорил, что когда увидел нового работника в приемной у Аристова, то поинтересовался, откуда он. В ответ, по словам Захарова, услышал, что Берестов привезен Аристовым из Красноярска.

Вопрос о сопровождении Берестовым жены Аристова так и остался открытым. Действительно, свою беременность Людмила Павловна Аристова не сочла достаточным поводом, чтобы отказаться от своих болельщицких пристрастий – посещения хоккейных матчей. На стадион ее, как правило, сопровождали жена Семенова или жена Лаптева. Что прикрепленная охрана сопровождала его жену на стадион или в театр Аристов категорически отрицал¹.

А вот что его одиннадцатилетнего сына сопровождал прикрепленный в кино, Аверкий Борисович полностью признавал. «Это было, это полезно и доставляет удовольствие и прикрепленным ходить в театр и кино, когда они свободны», – парировал Аристов на обвинения Захарова. Но Аристов немного не договаривал, почему его охранник ходил с его сыном в кино: дело было вовсе не в организации культурного досуга сотрудников госбезопасности.

Инициатива сопровождения в кинотеатр одиннадцатилетнего Анатолия Аристова (Захаров ошибочно прибавил ему несколько лет) возникла не на пустом месте. Однажды Анатолий пострадал в уличной драке со сверстниками, и по поручению начальника Управления МГБ Е. В. Рудакова прикрепленные выясняли, кто его побил. Тревога за жизнь и здоровье сына-подростка со стороны Аверкия Борисовича была вполне объяснима: пять лет назад в Красноярске ему довелось хоронить среднего сына, умершего от туберкулезного менингита. Сын был всеобщим любимцем, имел много друзей. О его настоящем имени – Леопольд, мало кому было известно, как правило, называли его Геннадием, дома – Геня. Болел он несколько лет, болезнь находилась в стадии ремиссии. В Красноярске, когда он провожал девушку, его избили хулиганы, полученные

травмы головы спровоцировали обострение, и врачи не смогли спасти его жизнь. Аристов пережил тогда тяжелое потрясение, боль глушил водкой. Его первая жена, Анна Ивановна Аристова, сама врач, очень привязанная к сыну, после произошедшего попала в психиатрическую больницу, вышла оттуда, а затем была вновь госпитализирована, как потом оказалось, навсегда. Когда в августе 1950 года у Аверкия Борисовича во втором браке родился сын, то имя ему дали в честь умершего в Красноярске – Геннадий. И отсюда же забота Аверкия Борисовича о здоровье малолетних сына и дочери, родившихся у него в Челябинске, возможно где-то чрезмерная и даже болезненная.

Отвечавший за работу прикрепленных полковник Алексей Семенович Антонов не возражал против того, чтобы прикрепленные к первому секретарю обкома Берестов и Кудряшов могли появиться на стадионе или в кино в сопровождении членов семьи охраняемого, и не видел в этом ничего противозаконного и предосудительного, только если это делалось не в ущерб охране первого секретаря обкома партии. Ущерба этой охране, судя по всему, он тоже не находил.

Антонов характеризовал Берестова как человека честного, добросовестного, ответственно подходившего к исполнению служебных обязанностей. «В личной жизни парень нахальный, пробитной, в свободное время выпить может», – дополнял Антонов. За спиртное Берестову уже однажды доставалось от Антонова, проступок прикрепленного обсуждался в парторганизации, где Берестов состоял на учете. Других претензий к своему подчиненному Антонов не имел, о систематическом пьянстве Берестова речь не шла².

Однако после того как рухнули обвинения в адрес Аристова в перетаскивании «своих людей» из одного региона в другой эти детали утратили какое-либо значение.

Обвинения Спирина в распитии спиртного во время пленума обкома партии тоже не выдержали проверку. О спиртном в тот день Спирин действительно вел речь в обкоме со своими коллегами и предлагал им купить бутылку-две вина. Но Захаров, или тот, кто передал ему этот разговор, то ли недослышал, то ли недопонял: речь шла о том, чтобы в предстоящие выходные собраться на даче и к застолью взять вина. А что в тот день в обкоме Спирин был трезв, тому были свидетели, включая начальника УМГБ Е. В. Рудакова (Ерасов не поленился его опросить). На заседании бюро обкома, где Спирин говорил об этом, никто ему не возразил и не опроверг. Тем более

¹ Там же, Л. 54, 58, 73.

² Там же, Л. 73–74.

что и в обкоме разжиться водкой стало уже не так просто, как раньше: когда Аристов приехал в Челябинск, то распорядился из обкомовского буфета убрать графин с водкой, чтобы он, столь соблазнительный и желанный, не искушал обкомовских работников. А заказывать водку через буфет в столовой означало обрести на этом лишних свидетелей, которые, ведомые «большевистской принципиальностью» либо какими другими мотивами, могли понести «нужную» информацию в «нужном» направлении¹.

Центральными пунктами обвинений Захарова были пошив Аристовым костюма и изготовление мебели. И то, и другое – силами заключенных исправительно-трудового лагеря. Невзирая на то, что Ерасов и Спирин были обкомовскими работниками, то есть подчиненными Аристова, к расследованию этих двух «дел» они подошли весьма основательно: если бы в ЦК заподозрили их в подтасовке свидетельств, стремлении избавить Аристова от ответственности, то они могли не только лишиться должностей, но и выложить партбилеты на стол. Произведенный ими опрос Захарова и Семенова, а также разбирательства на закрытом заседании бюро обкома ВКП(б) 22 июля 1952 г. позволяют восстановить картину произошедшего.

В декабре 1951 г. известный советский писатель, генеральный секретарь Союза писателей СССР, член ЦК ВКП(б) и депутат Верховного Совета СССР, лауреат Сталинской премии Александр Александрович Фадеев отмечал свой пятидесятилетний юбилей. Торжественные мероприятия были организованы на высоком государственном уровне в Центральном доме литераторов, чествование юбиляра было удостоено описания в «Правде», грудь писателя украсил второй по счету орден Ленина.

Отметить юбилей именитого писателя решили и в Челябинске. В том году А. А. Фадеев приступил к работе над романом «Черная металлургия» и часто бывал на Южном Урале, преимущественно в Магнитогорске. Был знаком с Аристовым и даже планировал описать его в романе. По случаю предстоящего торжества Людмила Павловна Аристова предложила сшить для Аверкия Борисовича новый костюм. «Неудобно на такой вечер придти в старом костюме», – передавал позже ее высказывание генерал И. П. Семенов. Помочь с костюмом вызвался тот же Семенов: в исправительно-трудовом лагере имелась своя швейная мастерская, где работали заключенные. Услугами лагерной мастерской пользовались сотрудни-

ки областных управлений МВД и МГБ, включая генералов Захарова и Семенова. Ремонт и пошив одежды оплачивался согласно утвержденному прейскуранту.

Аристов поддался на уговоры Семенова, что в лагерной мастерской есть великолепный портной и костюм ему тот сошьет быстро и качественно. Семенов имел в виду портного по фамилии Суркис, отбывавшего срок по политической статье. Судя по всему, Суркис действительно был необычайно талантливым портным, потому как даже Захаров доверил ему сшить костюм, китель, брюки и шинель. Услугами этого же мастера пользовалось руководство челябинской госбезопасности.

О том, как организовать «операцию» по пошиву для Аристова костюма, чтобы первому секретарю обкома не пришлось ехать на территорию лагеря, Семенов посоветовался с заместителем начальника УИТЛК. В итоге заказ на пошив костюма Семенов оформил на свое имя. Аристов приехал на квартиру к Семенову, и туда же на машине доставили портного Суркиса. Портной снял с Аристова мерку, и его увезли обратно. Спустя какое-то время на машине из лагеря доставили готовый костюм, за который Аристов передал Семенову 350 руб. согласно выписанной квитанции².

Захаров настаивал, что сам факт контакта секретаря обкома с заключенным по политической статье есть политическая ошибка, притупление политической бдительности. Вместе с тем свои заказы на пошив одежды у Суркиса со снятием мерок генерал Захаров, являвшийся одновременно членом обкома ВКП(б), политической ошибкой не считал. Мало того, уже после предъявления этих обвинений генерал вновь отправился к Суркису с очередным заказом. Захаров аргументировал свою позицию тем, что он сам ездит в лагерь к Суркису, а не вывозит Суркиса за территорию лагеря на квартиру. Тем не менее обвинений в нарушении порядка конвоирования осужденных в случае с Суркисом Захаров не предъявлял. Не было данных и о том, чтобы Суркис пусть на короткое время оставался с Аристовым один на один и имел возможность быстро завербовать секретаря обкома во «вражескую шпионско-вредительскую сеть» или в «контрреволюционную террористическую организацию»³.

Учитывая вышесказанное, а также то, что пошив костюма за две пачки папирос оказался очередным вымыслом, следует констатировать отсутствие достаточной доказательной базы для предъявления Аристову каких-либо обвинений:

² Там же, Л. 58, 67, 85–86.

³ Там же, Л. 58, 67, 77.

¹ Там же, Л. 61–62, 68.

как политических, так и в использовании служебного положения в личных целях.

Если история с костюмом была более-менее ясна, и оставался лишь вопрос, имел ли Аристов представление о статье, по которой портной Суркис отбывал наказание, то в случае с мебелью все было не так просто.

По заказу заместителя начальника УМВД генерала Семенова в лагерной мастерской был изготовлен комплект мебели, состоящий из дивана, шести стульев и обеденного стола. Семенов утверждал, что эту мебель он заказал для себя и предоставил мастерам для ее обивки шерстяную ткань – баракан. Однако затруднительная финансовая ситуация в семье (обе дочери Семенова в это время учились в ленинградском университете и его жена часто их навещала) заставила его отказаться от дорогостоящего приобретения. Тем более что на заказанную мебель нашелся покупатель.

Интерес к ней проявила Людмила Павловна Аристова. Она неоднократно жаловалась мужу, что амортизация казенной мебели недешево обходится для их семейного бюджета. За два с лишним года проживания в Челябинске Аристовы уже успели обзавестись собственным шкафом. До этого Аверкий Борисович довольствовался исключительно казенной мебелью, своей давно не имел. «Я враг всякой мебели, я человек нетребовательный к обстановке, к комфорту не приучен», – говорил он позже на заседании бюро обкома.

Молодая жена первого секретаря обкома была настроена иначе и стремилась не только избавиться от лишних трат, но и, нужно полагать, обставить квартиру более уютной мебелью, нежели та, что была в распоряжении обкомовских хозяйственников.

Жены Семенова и Аристова между собой договорились, что мебель выкупят Аристовы. Аверкий Борисович, по его заверениям, об этой сделке ничего не знал и был поставлен уже перед свершившимся фактом¹.

По мнению Захарова, ситуация с изготовлением мебели выглядела несколько иной: мебель, хоть и была оформлена на Семенова, но изначально предназначалась для Аристова. В подтверждение он приводил имеющуюся в его распоряжении информацию, что жена Семенова приезжала в мастерскую выбирать фасон мебели и при этом изложила просьбу: «<...> изготовить эту мебель качественно для Аверкия Борисовича». О том, что, по крайней мере, отдельные предметы мебели были изготовлены специально для семьи

Аристова, следовало из слов самого Аристова на заседании бюро обкома 22 июля. Аверкий Борисович тогда среди изготовленной на зоне мебели назвал детский письменный стол для его сына².

Тем не менее Захарову не удалось предоставить достаточно аргументов, чтобы опровергнуть утверждения Аристова и Семенова, уличить их во лжи (а нужно сказать, что Захаров имел все возможности, чтобы собрать нужные сведения в подведомственных ему структурах, и он их собирал). Вероятнее всего, основные предметы мебели – диван и шесть стульев – Семенов действительно заказал для себя, и уже затем, после договоренности с Аристовыми, этот заказ был дополнен с учетом пожеланий семьи первого секретаря обкома. Просьба изготовить качественную мебель для Аверкия Борисовича вполне могла иметь место не во время первого заказа, а когда речь шла об изготовлении дополнительных предметов. О повторном заказе со стороны Аристовых на бюро говорил и Захаров. Правда, Аристов с этим категорически был не согласен: «Доведись до любого из присутствующих, если один раз обвиняют за мебель, зачем второй раз буду заказывать? Есть же какое-то самолюбие!»³. Но в данной ситуации у каждого из оппонентов могла быть своя правда, каждый трактовал произошедшее по-своему: Аристов – что заказ был один, который затем был дополнен, а Захаров – что заказов было два. К тому же есть подозрения, что Людмила Павловна Аристова ввиду чрезвычайной занятости мужа могла действовать самостоятельно, не ставя его в известность о таких мелочах, как это было в случае с аптечкой из санчасти.

На эту тему можно было бы рассуждать и далее – выявлять все новые нюансы «мебельного дела» и выдвигать очередные версии. Однако важнее ответить на главный вопрос: в чем заключался проступок Аристова, и какие негативные последствия для него мог иметь факт приобретения мебели?

Мастерская по изготовлению мебели была организована при исправительно-трудовом лагере в городе Копейске, что располагался под Челябинском. Трудились в ней те заключенные, кто имел инвалидность и был способен работать с деревом. Реализация продукции шла не только через торгующие организации. В ходе разбирательства выяснилось, что мебель в этой мастерской в официальном порядке с оплатой ее стоимости заказывали себе руководящие работники челябинских управлений МВД и МГБ, включая самого

² Там же, Л. 57, 62.

³ Там же, Л. 63.

¹ Там же, Л. 54, 57–58, 63, 86.

генерала Захарова. Его заместитель Семенов по приезду в Челябинск тоже заказал себе кровать, стол и зеркало. Там же была изготовлена мебель для второго секретаря обкома ВКП(б) Н. В. Лаптева. По словам Семенова, произведенной в этой мастерской мебелью были обставлены все клубы в Челябинске, а наибольшее свое распространение она получила в городе, где располагалась мастерская – в Копейске. Исходя из этого, следует вывод, что даже если бы эта злополучная мебель изначально предназначалась для квартиры А. Б. Аристов, а замначальника УМВД Семенов выступил лишь в роли фиктивного заказчика, состав преступления ни того, ни другого не усматривается, ведь изготовление мебели было оплачено по квитанциям, а строгого запрета на изготовление мебели для партийных руководителей не существовало. На прямой вопрос председателя облисполкома Г. А. Бездомова: «Почему нельзя мебель заказывать?» – генерал Захаров ответить не смог¹.

Разногласия между разными сторонами конфликта сохранились и по поводу стоимости мебели. По утверждениям Семенова, за комплект мебели им было уплачено 1800 руб. Аристов, ссылаясь на свою жену, говорил о 1700 руб. Более точную сумму назвал на заседании бюро обкома Ерасов, проводивший следственные мероприятия по «мебельному делу» – 1780 руб. Другими цифрами оперировал генерал Захаров, утверждавший, что мебель обошлась первому секретарю обкома в 1561 руб. Начальник УМВД настаивал, что мебель Семенову-Аристову была продана по себестоимости, то есть так, как если бы она изготавливалась «для своих», то есть для руководства УМВД.

При этом никто, включая Захарова, ни разу не заявил, что мебель Аристову досталась бесплатно либо по фиктивной, крайне заниженной стоимости. Напротив, и Аристов, и Семенов утверждали, что цена на нее неоправданно завышена, при этом качество оставляло желать лучшего.

Даже если бы версия Захарова имела место в действительности, и Аристов договорился с Семеновым о приобретении при посредничестве последнего мебели, то выгода от этого была ничтожно мала. «Преступный сговор» с целью сэкономить на мебели для первого секретаря обкома несколько сотен рублей вряд ли бы заинтересовал Старую площадь. Таких фактов было явно недостаточно для того, чтобы предъявить Аристову обвинения в использовании служебного положения в личных целях. Тем более что доказательная база «преступления» была слишком слаба: заказ

официально был оформлен на Семенова – работника УМВД, счет им был оплачен, и далее он мог распоряжаться этой мебелью по своему усмотрению².

Тогда какую цель преследовал Захаров, раздувая «мебельное дело»?

Если факт сговора между Аристовым и Семеновым был малопригоден для доказательства финансовых махинаций со стороны первого секретаря обкома, то вот для его обвинений в «семейственности» этот факт вполне мог сгодиться. А «семейственность» была одним из достаточно серьезных обвинений в период позднего сталинизма, которое в случае с Аристовым могло стать предметом рассмотрения на Секретариате ЦК, при неблагоприятном развитии событий – с возможными взысканиями и оргвыводами. Изготовление мебели и пошив костюма должны были служить доказательством тезиса Захарова, изложенного им в заявлении, что Аристов с Семеновым – старые друзья, панибраты³. И их взаимоотношения не просто дружеские, а базируются на взаимовыгодной основе: Аристов покровительствует Семенову, а Семенов устраивает Аристову и мебель подешевле, и костюм – побыстрее и получше, и за две пачки «Казбека», то есть почти бесплатно.

Несмотря на голословность обвинений в получении материальной выгоды, Аристов всерьез воспринял угрозу обвинений в «семейственности», ведь неизменным фигурантом как «мебельного дела», так и истории с костюмом выступал генерал Семенов. Благодаря Семенову стал возможным контакт первого секретаря обкома партии с заключенным по политической статье – врагом народа, что при неблагоприятном развитии событий (к примеру, при наличии на Старой площади и Кремле могущественных недоброжелателей Аристова) грозило вдобавок политическими обвинениями. Благо, что пошив костюма как единственную причину такого контакта никто не ставил под сомнение, включая самого генерала Захарова.

Семеновым пришлось пожертвовать: Аристов незамедлительно поставил в Москве вопрос об его отзыве из Челябинска. Благие намерения, которыми руководствовался Семенов, обернулись для него очередным переездом к новому месту службы. Спустя пять лет Иван Павлович вновь отправился в хорошо ему знакомый Красноярский край, только на этот раз не в краевой центр, а на север, в Норильск, где получил место

² Там же, Л. 57, 67, 86.

³ Там же, Л. 57.

¹ Там же, Л. 63, 67, 86–87.

заместителя начальника Норильского исправительно-трудового лагеря и Горного лагеря МВД СССР [1].

Перед отъездом Семенов дал показания Ф. Л. Ерасову. Подробно изложил обстоятельства своего прибытия в Челябинск, дабы лишний раз отвести от Аристова подозрения в перетаскивании «своих людей». Описал историю с пошивом костюма и изготовлением мебели, заявил, что все было сделано законно, выразил недоумение, почему начальству УМВД и УМГБ можно было шить у этих заключенных, а секретарю обкома – нет.

Семенов негативно оценил стиль руководства своего недавнего начальника Захарова: «сплошной наскок», верхоглядство; «бумаги подписывает не читая, что там написано, как написано»; «ужасно любит угодничество, чтобы всегда смотрели ему в рот, и никто не перечил ему»¹.

Тем не менее Захарову и Семенову удалось «разойтись» без демонстративных скандалов. Захаров на прощание сказал Семенову, что тот был ему хорошим помощником в работе. Семенов в Москве тоже не стал портить репутацию своему бывшему начальнику и на вопрос «министерских» о генерале Захарове ответил примерно следующее: «На месте сидит товарищ, знает область, дело знает...»².

«Валить» Захарова не имело смысла: генералу и без того в скором времени предстоял неприятный и чреватый последствиями «разбор полетов» на бюро обкома партии. Ситуация складывалась не в его пользу, сторонников в областном руководстве у него не прибавилось. И хотя Захаров тоже был не лыком шит, частенько уклонялся от подписи под «скользкими», потенциально «опасными» документами, подставляя под ответственность своих замов, ему было сложно противостоять таким зубрам аппаратных игр, которые заседали в бюро обкома ВКП(б).

Предвидя это, в середине июля генерал попытался уйти в отпуск и пришел за разрешением в обком. Но Аристов добро не дал: сейчас в отпуск идти нельзя, сначала нужно разобраться с его заявлением на бюро обкома. Захаров попытался было сослаться на имевшуюся ранее устную договоренность с Аристовым по поводу отпуска, но ничего из этого не вышло. А уехать в отпуск без санкции обкома Захаров права не имел³.

Первый секретарь обкома был раздражен скандалом, который затеял начальник УМВД. Высказывания Захарова об Аристове, прозвучавшие на

заседании бюро обкома, в пределах здания обкома партии не задержались. Они выплеснулись на челябинские улицы и в переулки, во дворы и в подворотни, проникли в квартиры горожан, на территории заводов и фабрик, в многочисленные учреждения. Как позже выяснилось, врач санчасти Гитлин поведал своей жене о драматических событиях на бюро обкома, очевидцем которых ему довелось стать. Жена Гитлина не удержалась от соблазна сообщить своей близкой подруге горячие сенсационные новости. Место для передачи «партийных тайн» она выбрала не самое подходящее: женщина живописала подробности из жизни первого секретаря обкома партии прямо в очереди у магазина. Лето, неторопливая очередь, женщины – более благоприятные условия для работы «сарафанного радио» трудно было придумать. Разумеется, рассказ стал достоянием не только подруги Гитлиной, но и стоявших рядом с ними нескольких гражданок. Если жена «номенклатурного врача» не сумела удержать язык за зубами, то невольные свидетельницы разговора двух подруг тем более не имели никаких причин совершать над собой такое насилие. Ведь обладатели столь ценной информации в одно мгновение обретали популярность у собеседников: разве такое можно было прочесть в «Челябинском рабочем»? Слухи о скандале в обкоме в самых различных вариациях и весьма вольных интерпретациях понеслись по Челябинску⁴. А, следовательно, Аристов вполне мог ожидать, что в ближайшее время в ЦК ВКП(б) хлынет очередной поток анонимок, отправленных бдительными гражданами, как это уже случалось с ним в Красноярске.

«Обкомовцы» сложа руки не сидели и готовились не только держать удар, но и нанести ответный: лучшая защита – это нападение. Параллельно с расследованием заявления Захарова они занялись сбором на него компромата. Далеко ходить и глубоко копать никакой надобности не было: еще годом ранее конфликтовавший с Захаровым начальник политотдела ИТЛК УМВД Челябинской области Михаил Петрович Звонов в заявлении на имя Аристова подробно изложил факты «притупления политической бдительности», «панибратства», «семейственности», «барства» и пренебрежительного отношения к партийным инстанциям со стороны Захарова. Полковник Звонов подробно описал, как генерал Захаров «зажимал» политотдел за его независимую политику и стремление развивать критику и самокритику в парторганизации, что Захаров на двух человек имел восьмикомнатную квартиру и

¹ Там же, Л. 78–92.

² Там же, Л. 83.

³ Там же, Л. 56, 62, 90.

⁴ Там же, Л. 69.

шестикомнатную дачу. Как Звонов «зарубился» с Захаровым по «делу Ситникова», сотрудника политотдела, на которого отдел кадров УМВД области подготовил документы на увольнение. Причиной послужил тот факт, что Ситников после войны женился на девушке, дед которой во время немецкой оккупации был старостой. Звонову удалось отстоять Ситникова к большому неудовольствию Захарова. Но наиболее серьезные обвинения Звонова касались «дела Аксеньева», бывшего начальника 3-го лаготделения, собственно, из-за которого отношения между Захаровым и Звоновым обострились до предела. Аксеньев ранее работал в системе УМВД Молотовской области под руководством Захарова, они были хорошо знакомы. И в Молотовской, и в Челябинской области Аксеньев прославился злоупотреблениями по службе, использованием служебного положения в личных целях. В совокупности с фактами морального разложения, а также выявившимися в ходе спецпроверки погрешностями в соцпроисхождении (сын купца первой гильдии и участника «вредительской организации»), Аксеньев решением парткомиссии политотдела был исключен из партии. Захаров оказывал давление на политотдел, чтобы решение было пересмотрено, разговаривал на эту тему с отдельными партработниками, но безуспешно: дело об исключении из партии пошло «наверх» на утверждение. Вышестоящие инстанции, включая бюро обкома и ЦК ВКП(б), сочли исключение из партии Аксеньева вполне обоснованным. Однако Захаров решил проявить самоуправство, и Аксеньева из «органов» не убирал¹.

На самостоятельную независимую политику М. П. Звонова генерал Захаров реагировал резко и категорично – поставил вопрос перед управлением кадров МВД СССР об отстранении Звонова от должности. Звонов не сдавался, жаловался на Захарова в обком и в Москву. Министерская комиссия дважды приезжала в Челябинск с проверкой. Заместитель Захарова – И. П. Семенов, как он сам потом признавался, опасаясь быть заподозренным в подсиживании Захарова, занял нейтральную позицию и Звонова не поддержал: «Я на все вопросы, которые задавала мне комиссия и первая, и вторая, все время отвечал, что я новый человек, часто бываю в командировках, я ничего не знаю, и от этого дела уходил»². Обком в лице Аристов, судя по всему, тоже какого-либо давления на Захарова не оказывал, вопроса о применении к нему взысканий не ставил.

¹ Там же, Д. 45, Л. 50–56, 68.

² Там же, Л. 50. Д. 47. Л. 90–91.

Но за прошедший год настроения в обкоме изменились кардинальным образом.

«Разбор полетов» устроили на заседании бюро обкома 22 июля, спустя месяц после предыдущего скандального заседания. На этот раз заседание было закрытым. Кроме членов и кандидатов в члены бюро обкома присутствовали только трое: А. П. Захаров, заведующий административным отделом обкома Б. К. Спиринов и заместитель начальника областного УМГБ полковник А. С. Антонов. На всякий случай пригласили стенографистов, чтобы зафиксировать все выступления.

Ход заседания, прозвучавшие на нем выступления свидетельствуют о том, что А. Б. Аристов и ответственный секретарь партколлегии Ф. Л. Ерасов предварительно обговорили между собой линию поведения: в чем следует Аристову признать свою виновность, а что – опровергнуть. Аристов решил прибегнуть к известному политическому маневру – частичному признанию допущенных ошибок. В ошибки Аристову было решено записать историю с пошивом костюма, несмотря на явную натянутость этих обвинений. Тем не менее, с точки зрения тактики такой ход выглядел вполне обоснованным: не все обвинения Захарова были категорически отвергнуты, следовательно, бюро Челябинского обкома подошло к расследованию объективно и беспристрастно, хоть речь и шла о первом секретаре обкома. И в то же время в контакте с этим заключенным, отбывающим наказание по политической статье, можно было обвинить самого заявителя – начальника УМВД, члена партии, члена Челябинского обкома ВКП(б). И это не только дополнительный удар по Захарову, но и, что немаловажно, «смягчающее обстоятельство» для Аристова. Таким образом, одним выстрелом Аристов с Ерасовым убивали двух зайцев.

Первым слово на заседании бюро обкома получил Ф. Л. Ерасов. Он кратко сообщил о проведенной им работе по расследованию заявлений Захарова, зачитал его письменное объяснение и хотел было сразу озвучить результаты проведенного расследования. Что эти результаты будут не в пользу Захарова, всем собравшимся было понятно. Но Аристов, пытаясь сохранить беспристрастность и объективность, предложил предоставить слово сначала Захарову, затем – свой ответ на его обвинения, и уже потом заслушать мнения собравшихся. Однако Ерасов все же счел нужным высказаться хотя бы по двум главным обвинениям – костюму и мебели. Секретарь партколлегии сразу заявил, что не допускает мысли о согласии первого секретаря обкома Аристова шить костюм

у заключенного, отбывающего наказание по 58-й статье, и всю вину возложил на уехавшего в Норильск Семенова: «Товарищ Семенов допустил серьезную ошибку, которая могла окончиться весьма неприятно. Этот преступник мог нанести любое оскорбление товарищу Аристову, так как он ничем не страдает¹. Семенов допустил грубейшую политическую ошибку и серьезно подвел товарища Аристова». «Дело о мебели» Ерасов изложил в версии того же Семенова, подытожил, что деньги были уплачены, «никакой корысти со стороны товарища Аристова не было», и мебель эту заказывают для себя многие, а не только один Аристов².

Слово предоставили Захарову. Он подтвердил, что от изложенного в объяснении не отказывается, все верно, за исключением лишь того, что касалось прикрепленного охранника Берестова³.

Аристов пункт за пунктом отверг обвинения Захарова, в первую очередь, что касалось хамства по отношению к Захарову. Признал лишь своей ошибкой согласие пошить костюм, но политические обвинения в свой адрес отвергал. Эмоций Аристов не сдерживал: «Это ошибка, это ротозейство, недопустимое ни мне, ни другому. Захаров в беседе со мной, когда я спросил: “Вы-то шьете у него?” – ответил: “Шью, но я хожу в лагерь. Это разрешено”. По Захарову выходит, что если бы я пошел в лагерь, это ничего, а что на дом привезли портного, он снял с меня мерку, это преступление, это потеря бдительности. И в том, и в другом случае это потеря бдительности. И в лагерь не надо было ходить к Суркису, и на квартиру не надо было к Семенову приглашать. И Семенов действительно сделал недобросовестно. Он заявил, что из мастерской пошивочной пригласит портного. Суркис в мастерской работает?» «Он работает в лагерной мастерской», – уточнил Захаров. «Не надо было ходить и туда, – продолжил Аристов. – Не так много мне костюмов надо, и не так много их у меня. Я мог найти портного. Это приятельские уговоры, что быстро сошьют, что такой хороший портной. Нельзя было этого делать и, конечно, я для себя сделаю необходимые выводы. А в отношении того, что две пачки “Казбека”, то деньги он взял как деньги – 350 руб. по счету Семенова. Он не за папиросы шил».

Аристов был возмущен тем, что генерал Захаров оперировал непроверенными слухами: «Насчет займа. Как же так, мало ли что болтают?

Слышали разговор в городке, что жена не подписалась. <...> Нельзя так на слух верить! Мало ли что болтают и слухи распускают и про меня, и про других товарищей»⁴.

О том, что обком партии в последнее время стал основательно «копать» под Захарова, стало понятно из выступления завотделом обкома Б. К. Спирина. Как сообщил Спирин, более тщательная проверка санчасти показала, что ее бывший руководитель Борисов не просто повинен в создании условий для хищения – в путанице в учетной документации, а что к этим хищениям имеет непосредственное отношение: подписи в документах на выдачу спирта оказались сфальсифицированными. К тому же выяснилось, что Захаров своим приказом назначил Борисова на несуществующую должность главного врача спецполиклиники, за которую тот получал 940 руб. ежемесячно. К расследованию обком подключил прокуратуру, которая заявила о нарушении советских законов, и незаконном получении Борисовым 33 тыс. руб. за три года⁵.

Атаку на Захарова поддержал Ф. Л. Ерасов, который заговорил о «деле Аксеньева». Ерасов напомнил, как Захаров защищал на заседании бюро обкома своего приятеля, как уверял, что исключения из партии тот не заслуживает. Не только обком, но и ЦК, куда Аксеньев пытался апеллировать, подтвердил его исключение из партии. Партийные инстанции предписывали не использовать Аксеньева на работе в «органах», тем не менее указания эти Захаров игнорировал. «Говорят, что ему нужно два года до пенсии, – говорил Ерасов. – Хоть три дня! Но если он прохвост, надо убрать! А если Аксеньев работает в Магнитогорске, это неправильно»⁶.

Кроме того, Ерасов постарался сконцентрировать внимание членов бюро на оплошности Аристова с пошивом костюма, ведь по задумке Аристова и Ерасова этот пункт должен был войти в постановление бюро обкома. Всю эту историю Ерасов назвал «ошибкой товарища Аристова с портным, которая допущена по явной вине Семенова». «Хотел или не хотел подхалимничать, но он подложил товарищу Аристову свинью в данном конкретном случае», – заявил Ф. Л. Ерасов.

Нужное направление, таким образом, было озвучено как Ерасовым, так и самим Аристовым. Участники заседания «генеральную линию» уловили, некоторые прореагировали, но особого энтузиазма при этом не проявили. Дмитрин назвал

¹ Ерасов имел в виду, что портному терять было нечего, что он не пострадает в результате своих действий.

² ОГАЧО, Ф. П-288. Оп. 42. Д. 47. Л. 53–54.

³ Там же, Л. 54.

⁴ Там же, Л. 58–59.

⁵ Там же, Л. 61.

⁶ Там же, Л. 68.

«факт с пошивом костюма» единственным заслуживающим внимание обвинением в адрес Аристова. «Тут оправдания нет никакого, тут промах самого Аристова», – подтвердил председатель облисполкома Г. А. Бездомов. «Главный комсомолец» области П. И. Колобанов считал, что Аристов совершил ошибку независимо от участия в этом «деле» Семенова. А Лаптев обе истории, с костюмом и с мебелью, назвал мелкими фактами, которым было «придано сильное звучание с помощью товарища Захарова»¹.

С куда большим энтузиазмом, дружно члены бюро обкома накинулись на Захарова за использование им слухов и сплетен. Во-первых, критика столь зыбкой, ненадежной доказательной базы обвинений в адрес Аристова позволяла поставить под сомнение, дискредитировать все выдвинутые Захаровым обвинения. Кроме того, нельзя исключать и личные мотивы у присутствующих, ведь подобных «фактов» можно было насобирать о каждом из товарищей, заседавших в бюро, и об этом говорил Аристов еще в самом начале заседания. Коллеги по бюро живо откликнулись на усилия Захарова по фиксации слухов и сплетен, явно гипертрофируя их удельный вес среди предъявленных генералом обвинений. «Разве можно предъявлять партийные обвинения к человеку за те или иные проступки, которые ничем не подтверждаются? – возмущался Ерасов. – Если бы я в своей практической работе, через руки которого прошли десятки тысяч людей, позволил такие вещи, мне бы давно голову сбили! Представляете себе апелляциянное дело, где бы не было твердых доказательств, на что оно похоже?»

«Мне кажется, Захаров поступил неправильно, потому что многие факты были непроверенные, – вторил секретарь обкома А. Г. Дмитрин. – И он в своей докладной пишет, и сейчас говорит, что “ему сказали”, “он слышал”. Нельзя верить тому, что говорят, и нельзя верить в то, о чем слышишь».

«Для чего вы собирали сплетни со всего городка? К чему? Какой смысл? – вопрошал у Захарова председатель облисполкома Г. А. Бездомов. – И когда собирали? Собирали, когда проверяли санчасть. Разве это партийное поведение?»

«Вы выступали: “По городку ходят слухи”, “мне сказали”, “я слышал”. Что это за обвинение, построенное на таких доводах?! – обращался к Захарову завотделом обкома П. М. Кочетков. – У меня складывается впечатление, что людям делать нечего, ходят, собирают сплетни и выбрасывают при удобном случае. <...> Мне думает-

ся, что обвинение Захарова построено на слухах. Тем более обвинять первого секретаря обкома, чтобы это обвинение всякие кумушки разносили по городу!».

«Все факты в заявлении и объяснении товарища Захарова, “проверенные”, “непроверенные”, я отношу к категории сплетен и клеветы, – заявил второй секретарь обкома Н. В. Лаптев. – Они собраны из таких источников: одна баба сказала. Это несолидно для вас, товарищ Захаров. Вы собрали грязь и решили вылить ее на голову секретаря обкома партии. Вы собрали сплетни, “проверенные”, “непроверенные”, подхваченные среди трепливых баб, и обрушили на голову товарища Аристова. Я был более высокого мнения о вас, считал более зрелым в партийном отношении»².

Жильцы того же дома, где жили Аристовы, члены бюро Дмитрин и Бездомов заявили Захарову, что не видят ничего предосудительного в отоплении их дома во время майских холодов. «Жильцы должны быть благодарны, что пустили котельную! – заявил Бездомов. – Я тоже жилец! Меня встречают из командировки и говорят: “У нас тепло”. Я и сам обрадовался. А вы нашли кого-то недовольных». Бездомов принялся подначивать Захарова: «Я, наверное, закажу мебель. Потому что у меня тоже амортизация. Не лучше ли заказать? Не знаю, что Захаров нашел осудительного?!»³.

Полковник Антонов остановился на тех обвинениях Захарова, где фигурантами выступали сотрудники госбезопасности, осуществлявшие охрану Аристова. Смысл его выступления сводился к тому, что Берестова он, Антонов, лично ввел в охрану первого секретаря обкома, что тот местный, и претензий к работе прикрепленных со стороны УМГБ не имеется⁴.

Мнение членов и кандидатов бюро было единым: выдвинутые Захаровым обвинения были призваны скомпрометировать Аристова для того, чтобы выгородить, обелить начальника санчасти Борисова, отвести от него удар. «Поступок Захарова непартийный», – угрожающе заявил секретарь партколлегии Ерасов. Завотделом обкома Кочетков тоже назвал поступок Захарова непартийным, но пошел дальше и призвал осудить этот поступок самым суровым образом, и даже предложил наказать начальника УМВД. Осудить поведение Захарова призвал первый секретарь обкома комсомола Колобанов. Небольшевистским

² Там же, Л. 67, 69, 72–74.

³ Там же, Л. 70.

⁴ Там же, Л. 73–74.

¹ Там же, Л. 69, 71, 73, 75.

назвал поведение Захарова второй секретарь обкома Лаптев¹.

Захаров, невзирая на невероятное давление, не раскаялся, остался при своем мнении, считая правильным, что поставил такой вопрос на бюро обкома партии и довел информацию до сведения ЦК. Единственное, на чем он остановился в заключительном слове, было «дело Аксеньева». Раскрутка этого «дела» грозила неприятностями Захарову, и он начал обороняться, сказал, что трижды ставил вопрос перед министерством об увольнении Аксеньева, работавшего на тот момент в лагерном пункте в Магнитогорске, но решения на это не получил².

Эти и другие оправдания, даже если бы они имели под собой реальную почву, существенно укрепить позиции Захарова уже не могли. Его непреклонная позиция, нежелание признавать очевидные вещи менее всего походили на проявление «большевистской принципиальности», а больше – на упрямство и капризы, либо последствия контузии.

Весьма сомнительно, чтобы проверка о причастности Захарова к «утечке» спирта из санчасти, даже если бы эта причастность была установлена, угрожала его должностному положению. Самым суровым наказанием, грозившим генералу, было партийное взыскание либо указание на допущенные ошибки. Не имеется достаточно данных для утверждений о том, что, инициируя проверку санчасти, обком имел конечную цель сместить генерала Захарова с занимаемой должности. А вот последствия развязанного им скандала не заставили себя долго ждать.

И Спирин, и Аристов на заседании бюро обкома озвучили имеющиеся заявления о причастности Захарова к «делу Аксеньева» и о выпивках Захарова. Если раньше Аристов подобные заявления, в частности, на Борисова передавал для разбирательств самому Захарову, который, понятное дело, спускал их на тормозах, то отныне всем заявлениям давался «зеленый свет»³. Должно было произойти нечто чрезвычайное, к примеру, вмешательство очень высоких инстанций, чтобы Захаров из сложившейся ситуации вышел без каких-либо последствий. В противном случае вопрос о его смещении с должности становился вопросом времени.

В заключительном слове Аристов вслед за выступившими упрекнул Захарова в использовании слухов и сплетен, витавших вокруг любого руко-

водящего работника. «Конечно, немало слухов, сплетен ходит среди обывателей и всякую грязь, гадость и злобный враг иногда пишет, антисоветчик, – говорил Аристов, которому в последние годы приходилось противостоять потоку таких заявлений. – Есть такой метод – бросать всякую тень, опорочивать человека, зародить сомнение. И прежде чем обвинять любого работника, надо проверить».

Далее Аристов вновь акцентировал внимание присутствующих на своей виновности в истории с костюмом. Этот пункт в развернутом виде должен был войти в постановление бюро обкома, и потому его следовало достаточно отразить в ходе обсуждения, а этого пока не произошло. «Могу сказать, что я никогда не отпирался там, где ошибался. И в данном случае с портным, – заявил Аристов членам бюро. – У меня не было надобности, незачем было пользоваться его услугами. Трудно представить оправдывающий момент. Зачем дался мне этот костюм? Но ведь сшил!»

И тут же обратился к Захарову, разделяя с генералом свою «виновность»: «Вы так дело представляете, что вам можно шить у этого портного, Суркиса, а мне – нет. Если бы я пошел в лагерь, то ничего. Не надо мне ходить, и нельзя ни в лагерь, ни в мастерскую. Если я – секретарь, то вы – генерал. Мне нельзя у Суркиса, а почему вам можно? И вы после того как обвинили меня на бюро к этому же Суркису пошли заказывать! Раз он контрик, советский генерал к нему не должен ездить на примерку и обшиваться у него. Генерал, который ведаёт тюрьмами и лагерями, приехал шить в лагерь, а заключенные смотрят, как этот Суркис обшивает генерала. Вы же советский генерал, партийный генерал! Вам это делать нельзя. А тем более, мне нельзя»⁴.

На других обвинениях Аристов останавливаться не стал и попросил присутствующих высказать предложения по постановлению. С развернутыми и явно заранее заготовленными формулировками постановления выступил Ерасов, где среди прочего содержалось обвинение в адрес Аристова по поводу костюма: «Принять к сведению заявление товарища Аристова, что им была допущена ошибка, которую он осознает в части пошива костюма». И хотя Ерасов стал единственным, кто внес такое предложение, смысл его предложения нашел отражение в итоговом документе, подготовить который Аристов поручил совместно Н. В. Лаптеву и Ф. Л. Ерасову⁵.

¹ Там же, Л. 66, 69–73, 75.

² Там же, Л. 75.

³ Там же, Л. 76.

⁴ Там же, Л. 76–77.

⁵ Там же, Л. 77.

Лаптев и Ерасов выполнили поставленную задачу. Постановлению бюро обкома был присвоен гриф «особая папка», исключавший возможность ознакомления с ним широкого круга партийно-государственной номенклатуры.

В констатирующей части постановления указывались обстоятельства, при которых Захаров предъявил обвинения в адрес Аристова – заседание бюро обкома, рассмотревшее вопрос о плохой работе санчасти и спецполиклиники УМВД, и что эти обвинения были выдвинуты «в целях оправдания» начальника санчасти Борисова. Все обвинения были тщательно перечислены, после чего им была вынесена оценка: «Заслушав объяснение т. Захарова, т. Аристова и т. Спирина, бюро обкома ВКП(б) устанавливает, что из всего сказанного т. Захаровым подтверждается только то, что т. Аристов действительно через т. Семенова пошил костюм в мастерской лагеря МВД, что на снятие мерки с т. Аристова в квартиру т. Семенова по указанию т. Семенова вызывался заключенный по 58 ст. уголовного кодекса Суркис. Этот факт не отрицает т. Аристов и считает его своей грубой ошибкой, хотя он не знал, что из себя представляет приглашенный т. Семеновым мастер. Факт приобретения мебели у т. Семенова не является серьезным. Обвинения в грубом оскорблении т. Захарова ничем не подтверждаются, а остальные обвинения, предъявленные т. Аристову, вообще не соответствуют действительности».

Постановляющая часть состояла из трех пунктов. Первым пунктом бюро осудило выступление Захарова на бюро обкома 23 июня и его письменное объяснение, признало их неправильными, тенденциозными, в большей своей части являющимися вымыслом. Третьим пунктом обвинения в адрес Спирина были тоже признаны необоснованными. Второй пункт был посвящен ответственности Аристова «за костюм»: «Принять к сведению заявление т. Аристова, что он решительно осуждает допущенную им грубую ошибку, выразившуюся в согласии принять услугу т. Семенова о пошивке себе костюма в мастерской лагеря МВД».

Подпись под постановлением поставил второй секретарь обкома Н. В. Лаптев. В начале августа один экземпляр постановления был направлен в ЦК ВКП(б), в адрес заведующего отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов Николая Михайловича Пегова¹. На Старой площади, судя по всему, таким решением удовлетворились и на этом «дело» закрыли, потому как никаких дальнейших последствий для Аристова

этот скандал не имел. Чего нельзя было сказать о других главных действующих лицах.

Генерал Александр Павлович Захаров после скандала надолго в Челябинске не задержался. Уже 16 августа управление кадров МВД СССР подготовило министру Сергею Никифоровичу Круглову заключение об освобождении А. П. Захарова от должности начальника Управления МВД по Челябинской области. О недавнем скандале в Челябинском обкоме партии, конфликте с первым секретарем обкома Аристовым в документе не было сказано ни слова. В заключении говорилось, что в первое время Захаров с работой в основном справлялся. «Однако ввиду длительного пребывания в занимаемой должности, он за последнее время ослабил руководство аппаратом УМВД, в результате чего в подразделениях УМВД стали допускаться серьезные недостатки». Среди этих недостатков были названы имеющиеся место побеги заключенных и участвовавшие пожары в Челябинской области. Управление кадров сочло целесообразным «изменить тов. Захарову обстановку в работе», в связи с чем предложило освободить его от занимаемой должности. Особо подчеркивалось, что секретарь обкома А. Б. Аристов освобождение Захарова от должности поддерживает².

Но, вероятнее всего, такие аргументы министр счел недостаточным основанием для его смещения. И потому месяц спустя, в середине сентября, управление кадров министерства подготовило новый дополненный, более жесткий по отношению к Захарову вариант заключения. Министерские кадровики убрали указание, что в первое время работы в Челябинске Захаров справлялся со своими обязанностями. Вместо этого вписали: «За последние два года работы в области тов. Захаров ослабил руководство подразделениями УМВД». И дальше в заключении отметили взыскание, вынесенное Захарову в 1950 г. по итогам совещания в МВД СССР, когда Захарову было «указано на неудовлетворительное выполнение постановления ЦК ВКП(б) по работе с кадрами, слабый контроль за состоянием режима и охраны заключенных в тюрьмах и лагерях, и недостаточную работу по линии пожарной охраны, вследствие чего в области резко возросла горимость».

Появилась и ссылка на появившиеся у Захарова проблемы со здоровьем: «Недостаточно активная работа тов. Захарова в значительной степени объясняется его болезненным состоянием. Состояние здоровья тов. Захарова за последнее время ухудшилось и ему трудно осуществлять

¹ Там же, Л. 51–52.

² РГАСПИ, Ф. 17. Оп. 100. Д. 251160. Л. 33.

руководство большим и сложным управлением».

И если предыдущий вариант заключения предоставлял Захарову возможность работать на аналогичной должности в другом регионе, то новый вариант такую возможность исключал: «В целях предотвращения более серьезных упущений в работе, целесообразно тов. Захарову изменить обстановку и перевести на работу, требующую меньшего напряжения»¹.

Подготовка нового заключения носила скорее формальный характер, так как вопрос о Захарове был уже предрешен. Еще до того как министерские кадровики подготовили второй вариант заключения, в начале сентября министр внутренних дел СССР С. Н. Круглов запросил в ЦК санкцию на освобождение Захарова, где в качестве обоснования были перечислены проблемы со здоровьем и была отмечена необходимость предоставить ему работу меньшего объема.

В начале октября Захаров был отозван в распоряжение управления кадров МВД СССР. Через два месяца, в начале декабря, он поехал в Куйбышев, где получил должность, аналогичную той, которую при нем в Челябинске занимал генерал Семенов – заместителя начальника Управления МВД по Куйбышевской области и начальника

отдела ИТЛ. Но не проработал на ней и полгода, был переведен на небольшую должность начальника Местной противовоздушной обороны при УМВД г. Куйбышева. В марте 1954 г. был уволен в запас по состоянию здоровья².

Резонанс после скандала в обкоме партии, устроенного Захаровым, сигналы Захарова в ЦК не помешали Аверкию Борисовичу Аристову в октябре того же 1952 г. взлететь к самым вершинам власти – войти в состав членов Президиума ЦК КПСС и стать секретарем ЦК партии. Следовательно, занятая им линия поведения в противостоянии с А. П. Захаровым с частичным признанием «допущенных ошибок» оказалась политически целесообразной.

Кроме того, скандал показал, что Аристов на третьем году своего правления в области пользовался непререкаемым авторитетом в бюро Челябинского обкома ВКП(б). Ни один из членов областного руководства не воспользовался сложившейся ситуацией, чтобы высказать свои претензии в адрес главного областного начальника, попытаться ослабить его позиции во властных структурах, а напротив, все они объединились против его внезапно обнаружившегося противника.

¹ Там же, Л. 34–35.

² Там же, Л. 1, 4, 36.

Список литературы

1. Петров, Н. В. Кто руководил НКВД, 1934–1941 : справочник / Н. В. Петров, К. В. Скоркин. – М., 1999. – 504 с.

Сведения об авторе

Сушков Андрей Валерьевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Института истории и археологии, Уральское отделение Российской академии наук. Екатеринбург, Россия.

suschkow@mail.ru

Magistra Vitae.
2016. No 2. P. 80–102.

SUIT FOR THE FIRST SECRETARY OF THE REGIONAL COMMITTEE... SCANDAL IN THE CHELYABINSK REGION LEADERSHIP IN 1952

A. V. Sushkov

Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Yekaterinburg, Russia. suschkow@mail.ru

The paper deals with political practices of the «late stalinism» period. In June 1952 at a meeting of the Bureau of the Chelyabinsk regional committee of the CPSU(b) general A.P. Zakharov, head of the Chelyabinsk department of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, accused A.B. Aristov, the first secretary of the regional party committee, with various abuses. Zakharov's basic charge was that Aristov with the assistance

of general Semenov was tailored a suit and got furniture made by prisoners in the camp workshops. Party-investigative measures did not reveal any abuse on the part of Aristov and Semenov. On the basis of political considerations Aristov pleaded guilty in contact with a tailor convicted for political article. Aristov's political expectation proved to be correct, the «case» was closed and a few months later Aristov became a member of the USSR top leadership. The scandal cost general Zakharov his post, he was sent to another region and demoted.

Keywords: *A.B. Aristov, party and state system of the power, «late stalinism» period, the city of Chelyabinsk.*

References

1. Petrov N.V., Skorkin K.V. *Kto rukovodil NKVD, 1934–1941 : spravochnik* [Who headed the NKVD, 1934–1941: Handbook]. Moscow, 1999. 504 p. (In Russ.).